

Л. В. ФИРСОВ

О ПОЛОЖЕНИИ СТРАНЫ ДОРИ В ТАВРИКЕ

В сочинении «О постройках» Прокопий Кесарийский, перечисляя крепости, сооруженные или возобновленные Юстинианом в местностях вокруг Понта (Черного моря), упомянул о четырех пунктах в Крыму — Херсоне, Боспоре, Алустоне и Горзубитах — и о «некоей» готской стране (области) Дори, лежащей на том же побережье. Исследователи раннего средневековья Крыма неоднократно обращались к теме о Дори, пытаясь по кратким указаниям Прокопия найти ее местоположение на полуострове. Они приходили к разным заключениям, но в конце концов возобладало мнение, что Дори находилась в юго-западной части Крыма, в Крымском нагорье, на месте Мангуша и в его окрестностях, и занимала довольно обширную территорию. Впоследствии на ее основе, по-видимому, сформировалось средневековое княжество Феодоро с центром в Мангуше, а в церковно-административном отношении — Готская епархия, хорошо известные по письменным источникам VIII—XV вв.

Подробный разбор источников и мнений по этой, одной из важнейших в истории для раннего средневековья Крыма проблеме проведен М. А. Тихановой¹. Ей же принадлежит и наиболее обстоятельное изложение концепций о возникновении Феодоро на базе Дори (Дорос). Но высказывались и другие мнения. Дискуссия возникла и продолжается потому, что лаконичный текст Прокопия не содержит прямых указаний на местоположение Дори, однако отнесение ее к юго-западной части полуострова представляется наиболее обоснованным и в свете данных Прокопия, и по многим историческим соображениям, и по локализации в Крыму раннесредневековых памятников.

Концепция М. А. Тихановой и ее предшественников подверглась суровой критике. Речь идет об опубликованной в 1968 г. статье Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского², основанной на более ранних работах авторов³. Первая часть статьи, написанная Э. И. Соломоник, посвящена терминологическому анализу текста Прокопия, уточнениям перевода, ранее сделанного С. П. Кондратьевым, и «реабилитации» византийского историка, некоторые сведения которого отдельные исследователи ставили под сомнение или интерпретировали весьма произвольно⁴. О. И. Домбровский приводит «археологические доказательства» строительной деятельности Юстиниана в Крыму, имея в виду стены на перевалах через горы и отождествляя их с «длинными стенами», упомянутыми Прокопием в рассказе о Дори. Авторы приходят к выводу, что страна Дори лежала не

¹ Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. — МИА, № 34, 1953, с. 319—333.

² Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори. — В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, с. 11—44.

³ См. доклад Э. И. Соломоник на заседании античного сектора ЛОИА 13 мая 1958 г., доклад О. И. Домбровского и Э. И. Соломоник на пленуме ИИМК в Москве в 1958 г.; Домбровский О. И. Древние стены на перевалах Главной гряды Крымских гор. — Археология, № 12, 1961.

⁴ См.: Васильев А. А. Готы в Крыму. — ИРАИМК, I, 1921, с. 46.

в Юго-Западном Крыму, а «на южном и отчасти юго-восточном берегах Крыма, за теми длинными стенами, остатки которых реально существуют на перевалах Главной гряды гор»⁵.

Если принять это заключение о месте Дори в точном географическом смысле, то местоположение этой страны следует отнести вообще ко всему Южному берегу Крыма — к узкой полосе побережья между Ласпи (или Форосом) и Судаком, ограниченной с севера и северо-запада скалистым уступом Главной гряды гор (обрывами Форосской, Айпетринской, Никитской яйл, Бабуган-яйлы, Караби-яйлы). Мнение соавторов не ново. Еще в 1837 г. П. И. Кеппен, впервые отождествивший (в предположительной форме) перевальные стены на яйлах с длинными стенами Прокопия, помещал Дори именно на Южном берегу⁶. В. Г. Васильевский, опираясь на новые для своего времени археологические открытия, распространил ее и в глубь полуострова, и вдоль берега к западу, вплоть до Балаклавы⁷.

А. Л. Якобсон подверг критике ряд пунктов работы Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского, показав некорректность южнобережного варианта локализации Дори⁸. Вместе с тем ему не были известны новые данные о перевальных стенах, а они-то и помогают внести ясность в спор о положении готской страны в Крыму. Именно поэтому мы возвращаемся к рассмотрению указанного вопроса. Приведем полностью соответствующий текст Прокопия в переводе С. П. Кондратьева⁹.

«10. Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу (Эвксинского Понта) за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он (Юстиниан I — Л. Ф.) сделал их замечательно красивыми и крепкими.

11. Он воздвиг и два укрепления, так называемое Алуста и в Горзубитах.

12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян.

13. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с давних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправляясь вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз, когда императору это было угодно.

14. Они достигают численностью населения до трех тысяч отменных бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они более всех людей.

15. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды.

16. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но более всего они любили жить всегда в полях.

⁵ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. Указ. соч., с. 44.

⁶ Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб., 1837, с. 61.

⁷ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. — Труды, т. II, вып. 2. СПб., 1912, с. 372.

⁸ Якобсон А. Л. Рец. на кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. — СА, 1971, № 3, с. 298—306.

⁹ Прокопий Кесарийский. О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. — ВДИ, 1939, № 4, с. 249—250. Греческий текст, приведенный П. И. Кеппеном (указ. соч., с. 54—55), соответствует опубликованному позднее (*Procopii Caesariensis. Opera omnia*, vol. III, 2. Lipsiae, 1916), перевод же, сделанный П. И. Кеппеном (указ. соч., с. 56—57), менее текстуален, чем перевод С. П. Кондратьева.

17. Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы были его дела здесь.

Э. И. Соломоник делает к этому переводу уточнения и на некоторых из них следует остановить внимание.

Так, в § 11 она предлагает читать: «одно названное Алустон, а другое в Горзубитах», и отсюда делает заключение, что Горзубиты уже были, а Алустона до основания в нем крепости, как будто не было. Э. И. Соломоник пишет: «Из этого можно понять, что первое укрепление было построено заново и получило название Алустон, а второе возникло уже в существовавших тогда Горзубитах (возможно, имевших какие-то укрепления). Эту разницу нельзя считать случайной, так как Прокопий, как правило, уточняет, построено ли данное сооружение заново или лишь восстановлено, дополнено, улучшено»¹⁰. Действительно, *καλοῦμενον* в тексте более соответствует «названная», а не «так называемое», как у С. П. Кондратьева. Возможно, что Горзубиты действительно уже были, но ни из перевода С. П. Кондратьева, ни из уточнения Э. И. Соломоник вовсе не следует, что топонима «Алустон» не было до эпохи Юстиниана. Дело, однако, не в том. Из рассказа Прокопия совершенно ясно, что обе крепости построены Юстинианом («он воздвиг»). Кстати, обратим внимание на одну неточность комментария: подчеркивая, что крепость Алустон была построена «заново», Э. И. Соломоник подразумевает — «впервые» (по крайней мере, именно так должно было бы быть в ее тексте), однако «заново» может использоваться в значении основательного повтора (построить заново на месте чего-либо сильно разрушенного, основательно перестроить — см. Толковый словарь В. Даля).

В § 13 Э. И. Соломоник предлагает читать не «страна», а «область»¹¹, Прокопий пишет *χωρά* (§ 13, 15), *χώρῃς* (§ 16), *χωρίῳ* (§ 17). Это слово имеет ряд значений: «место, местность, поле, земельное владение, поселение (деревня), область, страна». Последнее — в ландшафтно-географическом, этнографическом, экономическом, но отнюдь не в государственном смысле. С. П. Кондратьев учел это, использовав весь набор адекватных понятий: «страна» — § 13, 16, «область» — § 15, «местность» — § 17. Уточнение перевода в этой части не имеет значения.

Далее, в том же § 13 Э. И. Соломоник читает не «на этом побережье», а «в приморской части» или «вдоль берега моря»¹². Это уточнение принципиально, ибо оно-то и позволяет соавторам поместить Дори на самом берегу моря. А. Л. Якобсон справедливо говорит, что «авторы исходят из буквального понимания текста Прокопия, не допуская ни малейших отклонений»¹³. В самом деле, *κατὰ τὴν παραλία* у Прокопия может означать и вообще прибрежье, приморскую область в более широком понимании, аналогично тому, как если бы мы сказали: «Крым есть приморская область (страна, местность), лежащая на северном берегу Черного моря». Рассказ Прокопия о крымских деяниях императора заключен в рамки повествования о постройках вокруг Понта и непосредственно следует за сообщением о Лазике (Кавказе); историк сразу же переходит к области за Меотидским болотом, то есть к Таврике в целом (не называя ее так), без уточнения границ, тем более без какого бы то ни было намека на Южный берег Крыма. Перевод С. П. Кондратьева «здесь же, на этом побережье» логически правилен, соответствует некоторой обобщенности представлений Прокопия о Таврике (об этом ниже) и не нуждается в уточнении, сужающем смысл выражения. Обратим внимание еще и на то, что, когда Прокопий пишет о пунктах, действительно лежащих на самом

¹⁰ Соломоник Э. И., Дожбовский О. И. Указ. соч., с. 14—15.

¹¹ Там же, с. 16.

¹² Там же.

¹³ Якобсон А. Л. Указ. рец., с. 299.

берегу моря, он употребляет не *κατὰ τὴν παραλίαν*, а *κατὰ τὴν ἐκείνην ἀκτὴν ἐπιθαλασσίδιαи*, как в § 10, и это понятно, поскольку *ἐπὶ* при общей равнозначности с *παρά* все же указывает на большую близость к морю; к тому же в § 10 Прокопий ведет речь именно о берегу, о береговой полосе в узком смысле слова (*ἀκτὴν*).

В обсуждаемой работе сделаны и другие замечания к переводу С. П. Кондратьева, но они в общем не изменяют объема и смысла информации Прокопия. Много внимания Э. И. Соломоник уделяет сопоставлению терминологии Прокопия с терминологией Фукидида и других древних авторов, но за этим анализом оказались скрыты выразительные детали как содержания, так и построения комментируемого текста, которые вполне могут прояснить спорный вопрос о месте Дори.

Прежде чем остановиться на них, скажем несколько слов о достоверности сведений в сочинениях византийского хрониста. Мнения исследователей и комментаторов по этому поводу противоречивы. Можно согласиться с Э. И. Соломоник и О. И. Домбровским, что Прокопий заслуживает доверия, но лишь в том смысле, что в его сообщениях нет надуманных подробностей или преднамеренной дезинформации. Однако порой Прокопий допускает исторические и географические неточности, которые проистекают, по-видимому, и из лаконичной манеры изложения, и из недостаточной осведомленности автора или характера тех источников, которыми он пользовался.

Его рассказ о Дори предельно краток, хотя и весьма информативен. Лаконичность текста (в других местах сочинения «О постройках» автор более многословен) дает основание считать, что личного знакомства со страной Дори Прокопий не имел. Он вообще не знал хорошо ни северного, ни восточного побережья Понта¹⁴. Можно думать, что сведения о Дори почерпнуты им у прибывавших в Византию готов из военно-отчетных документов о крепостях, из сочинений других авторов. Почти не вызывает сомнения, что Прокопию было известно, например, сочинение Тацита «О происхождении германцев»: некоторые мотивы из него он прямо экстраполировал на страну Дори. Так, в § 16 Прокопий в сущности повторяет применительно к готам Дори то, что сказано Тацитом о германцах: «Хорошо известно, что народы Германии не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись родник, поляна или дубрава»¹⁵. Совпадает с похвалой гостеприимству германцев у Тацита и похвала готам у Прокопия¹⁶. Давая оценку характеру и обычаям готов Дори, Прокопий всего лишь воспользовался литературной традицией относительно германцев вообще. Следовательно, сведения эти являются свидетельством, взятым, по крайней мере, из вторых рук; относиться к ним можно по-разному, но абсолютизировать их достоверность в данном случае нельзя.

Некоторые неясности имеются и в тексте о Дори. Покажем это на таком примере. Представим себе, что § 13 сочинения «О постройках» был бы единственным источником сведений о времени проникновения остготов в Крым. Равновероятны два его толкования: 1) часть готов откололась от Теодориха, направившегося в Италию, и проникла в Крым, следовательно, произошло это не ранее конца V в., когда имел место поход Теодориха; 2) готы населяли Крым и до эпохи Теодориха («с давних времен»), а когда тот направился в Италию, они не последовали за ним и остались в Дори. Какому толкованию нужно бы отдать предпочтение? Первое — явно ошибочно, но это ясно нам лишь потому, что есть другие

¹⁴ Якобсон А. Л. Указ, рец., с. 299; Спицин А. А. Древности аятов. — В кн.: Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 492; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 10, 15.

¹⁵ Корнелий Тацит. Сочинения, т. I, Л., 1969, с. 360.

¹⁶ Там же, с. 362. Ср. § 14, у Прокопия.

свидетельства о проникновении готов в Таврику (в Северное Причерноморье вообще) в III в. н. э. Не будь их, только косвенные соображения давали бы основание предпочесть второе (правильное) толкование первому: если готы с давних времен населяли Дори, а время Прокопия отделено от времени Теодориха всего полустолетием, значит, они появились в Северном Причерноморье задолго до похода Теодориха. Тем не менее сомнение в такой интерпретации было бы правомерным: ведь и полустолетие — это тоже давние времена.

Однако вернемся к нашей теме и проанализируем конструкцию сообщения Прокопия.

Рассказ Прокопия о крымских деяниях Юстиниана начинается указанием на побережье Понта за Меотидским болотом (Азовским морем). Сразу же упомянуты два древнейших населенных пункта Таврики — Херсон и Боспор, ограничивающие ее территорию с запада и востока. Вслед за этим вклинено короткое сообщение об Алустане и Горзубитах (§ 11), которым автор, вполне очевидно, не придает особого значения. В других разделах сочинения он перечисляет десятки подобных, незначительных крепостей. Далее Прокопий возвращается к Боспору (§ 12), говоря об истории города и масштабах реконструкции. Вставка об Алустане и Горзубитах не изменяет целенаправленности текста, она сделана как бы между прочим. Незначительное внимание к ним — вполне соответствует манере автора: и о множестве других заурадных крепостей он не сообщает ничего, кроме их названий. В сущности весь текст «О постройках» представляет собой краткую опись припонтийских укреплений, кое-где оживленную скупыми замечками о подвластных Византии местностях и народах. Именно так и следует рассматривать его рассказ о Дори, который начинается с § 13 ссылкой на «это побережье». Какое?

Э. И. Соломоник пишет: «Более вероятным представляется, что § 13... непосредственно примыкает к предшествующему тексту (§ 11—12), повествующему прежде всего о том, что «там» были сооружены укрепления Алустон и в Горзубитах»¹⁷. Отсюда делается вывод, что Дори лежала где-то на Южном берегу, поблизости от Алушты и Гурзуфа, — заключение, на наш взгляд, необоснованное. Действительно, § 13 следует за § 11 и 12, но в них речь идет о Херсоне и Боспоре. Ясно, что Дори надо помещать в промежуток между ними и не обязательно на самом берегу моря. Выбирая, в конце концов, для Дори «южный и отчасти юго-восточный берега Крыма» (а именно на среднем участке этих берегов и лежат Алушта и Гурзуф), авторы статьи не игнорируют Алустон и Горзубиты, но предельно ясное замечание о том, что в стране Дори «император не построил нигде ни города, ни крепости» (§ 16), вынуждает их исключить участок берега Алушта — Гурзуф из пределов Дори. Получается удивительно узкая и длинная страна с «прорехой» посередине!

Допустим, вслед за авторами, что Дори действительно находилась на Южном берегу. Тогда, спрашивается, где: западнее Гурзуфа? Восточнее Алушты? В промежутке между ними? Быть может, на всем протяжении от Балаклавы до Судака, как полагал В. Г. Васильевский? Рассмотрим эти варианты, приняв к сведению § 15 текста Прокопия.

Промежуток Алушта — Гурзуф надо исключить: расстояние между этими пунктами всего 18 км, а ширина берегового склона (до уступа яйлы) не более 4—6 км. Такая незначительная территория вряд ли могла быть страной Дори. Примем во внимание также и косвенное ограничение направления поисков, следующее из текста § 16.

Западнее Гурзуфа Южный берег простирается на 55—60 км до Фороса и Ласпи, но ширина его круто наклоненного склона в среднем не больше 2,5—3 км. Местность сильно пересечена поперечными к линии берега сланцевыми и известняковыми грядками и глубокими дендритовидными

¹⁷ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. Указ. соч., с. 16.

оврагами. Здесь мало водоисточников, почти все они находятся под уступами яйл, в верхней части склона. Удобных для земледелия (в обычном его понимании) площадей почти нет; садоводство и виноградарство, возможные на щебенистых почвах и почвах типа терра-росы в изрезанной складками местности, требуют значительных затрат сил и средств. Общая площадь этого участка Южного берега немногим больше территории в промежутке Алушта — Гурзуф, но и она мала для «страны готов».

Восточнее Алушты сланцевый склон Южного берега вплоть до Судака на протяжении менее 50 км представляет собой еще более пересеченную местность, сухую и неудобную, покрытую неприхотливой растительностью с преобладанием каменного дуба. Только в немногих коротких и не очень широких долинах, у основания их склонов и на поймах, возможны садоводство и огородничество; пахотных земель здесь нет.

В § 15 сочинения Прокопия говорится о возвышенной, но не каменистой и не сухой плодородной местности, в которой готы занимаются земледелием (§ 14). Такая характеристика в целом никак не подходит к Южному берегу, который, совершенно очевидно, не в состоянии обеспечить население в условиях натурального хозяйства. Вся территория Южного берега (от Ласпи до Судака) составляет не больше 1% от площади Крымского полуострова, и на Южном берегу попросту невозможно найти место для плодородной страны Дори с довольно многочисленным, по-видимому, населением.

Косвенным указанием на многочисленность готов Дори служит упоминание Прокопием трех тысяч отменных бойцов. Вероятнее всего, хронист имеет в виду тот контингент, который только и участвовал в военных походах императора (своего рода экспедиционный корпус), а не все боеспособное население страны. М. А. Тиханова резонно полагает, что именно так следует интерпретировать сообщение о воинах и что из их числа нельзя делать заключение о малочисленности готов Дори¹⁸, как это представляется противникам концепции о значительном участии готского населения в истории раннесредневековой Таврики¹⁹. Невозможно точно определить, какую долю от общей массы населения составляли эти «три тысячи отменных бойцов», но вряд ли больше 5%. А это значит, что в Дори могло проживать до 60 тыс. человек обоего пола и всех возрастов. Не будем настаивать на такой оценке, но заметим, что готские епископы из Таврики издавна представлялись на вселенских соборах²⁰, а само учреждение епархии служит косвенным доказательством многолюдности этой части северопонтийских владений Византии.

В ландшафтном отношении Южный берег представляет собой единую зону, хотя детали его рельефа и разнообразны. Он каменист и неудобен, его аграрный потенциал невелик. Вычленив из него какой-то более или менее обширный кусок, соответствующий положительной характеристике Дори, невозможно. Пожалуй, наилучшая его часть — это район Алушты, но ведь Дори не могла быть здесь. Мысленно уберем с Южного берега декоративные парки и виноградники, созданные в XVIII—XX столетиях, — что останется тогда? Совершенно непригодная для интенсивного земледелия местность со щебенистыми почвами, с постоянным недостатком воды. Хотя в раннем средневековье климат Таврики был несколько иным, у нас нет оснований видеть Южный берег в то время в более благоприятном экологическом свете.

¹⁸ Тиханова М. А. Указ. соч., с. 324.

¹⁹ Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма, ч. 1. Симферополь, 1951, с. 43: «В юго-западном Крыму осели три тысячи готов, служивших в наемных войсках Византийской империи». Автор отождествляет готских воинов со всеми пришлыми готами.

²⁰ П. И. Кеппен (указ. соч., с. 65—69) приводит список епископов готских, начиная его с Феофила (Улфила), бывшего на Никейском соборе в 325 г., и список епископов херсонских, приблизительно с того же времени (там же, с. 232—233). В церковном управлении выделение епархий строго не регламентировано численностью региональных общин, но предусматривает их многолюдность.

Из текста Прокопия ясно, что Дори лежала не там, где Херсон и Боспор, но и не там, где Алустон и Горзубиты, а где-то в промежутке между Херсоном и Боспором, после которого Прокопий и начинает рассказ о Дори. Место для этой страны может быть найдено только в юго-западном Крыму, в Крымском нагорье, между Главной грядой гор и невысокими квестами Третьей гряды. Определение «возвышенность» как нельзя более подходит к этой местности, но здесь много плодородных и обширных угодий в долинах рек Черной, Бельбека, Качи, Алмы, Салгира, а также в долинах их многочисленных притоков и на полого наклоненных и ровных пространствах квест — структурных террас, представляющих собой возвышенные плато. Эта территория размером 100×30 км составляет около 20% площади Крымского полуострова. Она в 15—20 раз больше Южного берега, подходящих для земледелия площадей на ней также в 2—3 раза больше в относительном исчислении, следовательно, аграрный потенциал Юго-Западного Крыма в десятки раз выше скромных возможностей Южного берега. Севернее Третьей гряды гор (отчасти даже в ее пределах) начинается сухая степь, южнее лежит плодородная лесистая область, в целом возвышенная, распространяющаяся до массивов яйл, значительно менее каменистая, чем Южный берег, не сухая, истари населенная.

Какая надобность была готам, проникшим на полуостров, миновать эту плодородную территорию, перебраться через высокие яйлы и осесть на Южном берегу в условиях намного худших? Скорее можно допустить, что, освоив юго-западное нагорье, они, со временем добрались и до Южного берега (как и было на самом деле), включив его в состав своих владений, но произошло это после эпохи Юстиниана: достоверных раннесредневековых памятников в этих местах немного ²¹.

Происхождение названия Дори неизвестно. Э. И. Соломоник предполагает, что оно перекликается с «дары», «ди́ро», «дере» («овраг», «ущелье») обычными в греко-татарской топонимике Крыма ²². А. И. Маркевич производит его от *deirai* («узкий проход, ущелье») или от *deirás* («гора, холм, вершина горы»), разумеется, татаризованных ²³. Но ни то, ни другое не подходит к Дори, если поместить ее на Южном берегу. Добавим: *deirás*, *derás* обозначает также горный хребет, кряж, вообще возвышенность. Последнее для Дори в юго-западном нагорье более вероятно. По Прокопию, Дори и лежит на возвышенности. Относить это определение к Южному берегу нельзя, хотя его склон и поднимается над морем на 300—400 м. Напротив, юго-западное нагорье Крыма предстает взору (при подходе с севера, со стороны степи) именно как возвышенная местность, постепенно поднимающаяся к синееющим на горизонте вершинам яйл.

Обратимся к «археологическим доказательствам» в пользу южно-бережного варианта локализации Дори. Во второй части указанной статьи О. И. Домбровский дает беглую характеристику перевальных стен на яйлах, за которыми, по мнению соавторов, и находилась Дори. Такие же наблюдения были опубликованы им в 1961 г. ²⁴ П. И. Кеппен о перевальных стенах писал: «Нагорная стена, которой слабые следы доньше приметны вдоль Яйлы от дороги, идущей из Ускюта в Карасубазар (ныне Приветное и Белогорск. — Л. Ф.) до западной стороны Чатырдага, современна сказанным двум крепостям (в Алуште и Гурзуфе. — Л. Ф.). Прочие же, вероятно, были построены вскоре после них и, конечно, теми же

²¹ *Якобсон А. Л.* Указ. рец., с. 300, при. 7. Рецензент вполне точен, когда пишет, что прибрежная полоса «очень бедна такими памятниками, хотя шансов на находки здесь в связи с бурным строительством XIX и XX вв. было куда больше, чем в любом другом месте Крыма».

²² *Соломоник Э. И., Домбровский О. И.* Указ. соч., с. 26.

²³ *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический источник. — ИТОИАЭ, II (59), 1928, с. 5.

²⁴ См. выше, прим. 3. См. критику статьи О. И. Домбровского, опубликованной в 1961 г.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 153, прим. 41; *Та-*

византийскими греками»²⁵. Каких-либо подтверждений сказанному в его работе мы не находим. Этот пробел призвана была заполнить статья соавторов. Близкое знакомство с теми археологическими памятниками, о которых идет речь, дает нам основание считать южнобережный вариант для Дори несостоятельным.

Стены, перегораживающие перевальные седловины на яйлах, действительно есть во всех тех пунктах, о которых пишет О. И. Домбровский: к западу от Эклези-Буруна на Чатыр-Даге, между Северной и Южной Демирджи, на перевалах Таш-Хабах-Богаз, Чигенитра-Богаз и других, через которые в старину были проложены (и еще ныне функционируют) тропы и дороги из юго-западного нагорья на Южный берег. Стены сложены из среднемерного бутового камня, кладка нерегулярная, обычно типа полигональной (но без отески, хотя с тщательной подгонкой полиэдрических по естественной форме глыб), в два панциря, без известкового вяжущего раствора, быть может, за исключением стены под Ангар-Богазом в урочище Гурлюк, которая, однако, не сохранилась²⁶. Длина их разная, зависит от ширины перевальных седловин, перегороженных ими. Толщина стен довольно стандартна, чаще 2,0—2,3 м, некоторых — 1,4—2,0 м, очень редко до 3 м. Из-за больших разрушений судить о их высоте трудно, но объем каменных развалов обычно невелик и дает основание определять ее в 1,5—2 м, местами до 3 м. Общее для перевальных стен, помимо единообразной манеры кладки, состоит в том, что они примыкают флангами к скалистым уступам или оканчиваются над неприступными вертикальными обрывами, представляют собой в плане или прямые куртины, или дуги с большим радиусом кривизны и не имеют фланкирующих устройств.

На перевале Мачук над Тессели, возле водоисточника, точно такой же стеной огорожен овальный загон для скота, используемый и в наши дни. На соседних перевалах из Байдарской долины в Ласпи очень невысокие стены толщиной 1,4—1,8 м сооружены, надо полагать, вовсе не для защиты от варваров, а в качестве препятствия скоту: не будь их, пасущиеся на нагорных плато животные могли бы без помех спускаться в густые заросли ласпинского амфитеатра, в которых разыскать их было бы нелегко. Мы далеки от мысли, что все перевальные стены имели такое назначение, но когда в нагорном Крыму и на Южном берегу повсюду встречаешь точно такие же каменные дувалы, огораживающие усадьбы, кошары, дороги, то и эта версия представляется не лишенной смысла. «Трудно поверить, — пишет А. Л. Якобсон, — что эти заборы имели реальное оборонительное значение»²⁷. Известная доля скепсиса имеет под собой основание: когда видишь эти стены на месте, невозможно представить, как такие незначительные сооружения могли противостоять серьезным намерениям «врагов» вторгнуться на Южный берег.

Что касается времени возведения стен, то оно, судя по неодинаковой их сохранности и редким находкам керамики, — разное, в ряде случаев восходит к позднему средневековью и еще более поздней эпохе. В керамике, иллюстрированной О. И. Домбровским²⁸, нет ничего определенно раннесредневекового; хотя он пишет о находке «мелких невыразительных черепков черной лепной посуды» и обломков пифосов и амфор не позднее VIII—X столетий, некоторых — VI в.²⁹, однако керамический материал

лис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет. — ВВ, XIX, 1962, с. 255, прим. 70.

²⁵ См. выше, прим. 6.

²⁶ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. Указ. соч., с. 40. В рывтинах на месте несохранившейся стены О. И. Домбровским найдены куски известкового раствора с цемянкой. П. И. Кешпен отмечал (указ. соч., с. 143), что стена в урочище Гурлюк была сложена на известке.

²⁷ Якобсон А. Л. Указ. рец., с. 300.

²⁸ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. Указ. соч., с. 42, рис. 5.

²⁹ Там же, с. 35.

весьма малочислен и фрагментарен, допускает широкую датировку и в целом не свидетельствует в пользу VI в. Не исключено, что фрагменты керамики, найденные возле стен, случайны и вообще не относятся к этим сооружениям. Знакомство со средневековой керамикой Крыма позволяет нам разделить мнение А. Л. Якобсона, что, «по крайней мере, на рис. 5 (с. 42), где воспроизведены наиболее выразительные образцы керамики из числа находок на Чигенитре и Демерджи, нет ни одного бесспорного фрагмента V—VI вв.: обломки пифосов (№ 1—3) — не ранее XII—XIII вв., на что указывают профили венчиков и украшения медальонами (валик с пальцевыми отпечатками. — Л. Ф.); полный пифос (№ 5) — скорее всего, IX—X вв., горшки (№ 4) — не ранее IX—X вв., и только фрагменты амфор (№ 6) неясны, и по рисунку судить о них невозможно»³⁰. Добавим, что «ленточный» пифос (№ 1) не может иметь определенной даты, поскольку сосуды такого вида изготавливали в разные времена, как об этом можно судить по находкам даже в позднесредневековых поселениях того же Южного берега.

Если перевальные стены принять за упомянутые Прокопием длинные стены, препятствовавшие вторжению врагов в готскую страну, то необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство.

Стены двупанцирной кладки во все времена выкладывали так, чтобы наиболее мощный, сложенный из крупных камней панцирь был обращен наружу, против стороны, откуда ожидается атака противника. Для римских, византийских и позднесредневековых сооружений Крыма нет исключений из этого правила. Лицевой панцирь оборонительных стен легко отличить, даже при сильном разрушении, от тыльного, внутреннего, как правило, сложенного из более мелкого камня.

Оказывается, перевальные стены на яйлах обращены лицевым панцирем не к нагорью, как должно было бы быть, находишь Дори на Южном берегу, а в сторону Южного берега. Именно так они ориентированы на ласпинских перевалах и Мачуке, у Байдарских ворот, у Эклези-Буруна, на Таш-Хабах-Богазе и Чигенитра-Богазе. По-видимому, в южную сторону была обращена и оборонительная стена на Гурзуфском седле, разрушенная почти до основания и скрытая под почвой. Все эти сооружения защищали не Южный берег от нагорья, а нагорье от Южного берега. Если в них видеть длинные стены Юстиниана, то Дори, несомненно, надо помещать за перевалами, к северу и северо-западу от них.

Это заключение следует не только из ориентировки лицевого панциря, но и из других особенностей положения стен на перевальных седловинах. Седловины — в разной мере широкие понижения южных скалистых обрывов яйл — ограничены с флангов непроходимыми кручами. Поперечный профиль седловин асимметричен. В северную сторону от них склон яйлинских плато очень полог, легко доступен и проходим. В каждом перевальном пункте он был бы предпольем, весьма удобным для атаки и концентрации сил наступающего противника. К югу от седловин склон крут, местами переходит в обрывы; перевальные тропы и дороги петляют по глубоким и тесным балкам и каньонам, верховья которых прорезают уступы яйл. Такая местность не может служить сколько-нибудь подходящим предпольем для атаки с южной стороны. Концентрация сил в узких дефилах, прямо под оборонительными рубежами, кроме поражения, ни к чему бы не привела. Строители перевальных укреплений (если квалифицировать стены именно таким образом), безусловно, учли это и ограничили возведением невысоких стен, которых было бы совершенно недостаточно против атаки с севера. Мало того, они расположили стены точно на бровках седловин, по линии сопряжения пологого северного и крутого южного склонов (Гурзуфское седло, Эклези-Бурун, Демирджи, Таш-Хабах-Богаз), местами — прямо на краях обрывов, не оставив с южной

³⁰ Якобсон А. Л. Указ. рец., с. 300.

стороны ни метра пристенного пространства (Байдарские ворота, Чигенитра-Богаз), или спустили стены ниже седловин, в южную сторону, перегородив ими подходные балки (Ласпи, Чигенитра-Богаз). В этом легко убедиться даже по иллюстрациям, приведенным О. И. Домбровским³¹. Еще более поражает предусмотрительность строителей, когда знакомимся с сооружениями на местности. Подобным образом расположенные стены защищать с южной стороны невозможно; напротив, находясь с северной их стороны, защитники могли пользоваться всеми преимуществами рельефа, держа под визуальным контролем крутые южные подходы.

Интерпретируя рассказ Прокопия о Дори, нужно иметь в виду еще одно обстоятельство. Если эта страна лежала на Южном берегу, то что же в VI в. находилось в населенном с давних времен юго-западном нагорье Крыма и почему тогда Прокопий не дополнил свое сочинение сведениями об этой области? Будучи промежуточной между Херсоном и Боспором, она не могла просто так выпасть из его поля зрения. «Сравнительно большой юго-западный район Таврики с его городами и поселениями раннего средневековья превращается волею авторов (Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского. — Л. Ф.) в какой-то вакуум, ни одному хронисту того времени неизвестный и никем из них не упоминаемый. Все эти города — Мангуп, Эски-Кермен, Сюрень, Инкерман-Каламита и многие раннесредневековые поселки, выявленные за последние годы в бассейнах рек Бельбек, Кача и Черная, утрачивают связь со страной Дори и как бы повисают в воздухе, теряют историческую почву. Между тем упоминания об этой области в раннем средневековье существуют не только у Прокопия»³². Археологические материалы в целом неоспоримо свидетельствуют о плотном населении юго-западного нагорного Крыма в ранне-средневековую эпоху, со времени Юстиниана и более раннего³³. Именно здесь, а не на Южном берегу нам и остается видеть страну Дори.

Не исключено, конечно, что и в VI в. перевалы были защищены нагорными стенами, но если на седловинах и находились длинные стены Юстиниана, то их еще предстоит найти, развернув планомерные поиски и раскопки. Пока же мы можем говорить вполне обоснованно только о том, что перевальные стены относятся к значительно более поздней эпохе — к тому времени, когда сложившееся в юго-западном нагорье (на месте раннесредневекового Дори) и развитое княжество Феодоро противостояло генуэзским владениям и укрепленным пунктам, гнездившимся на Южном берегу. Представляется наиболее вероятным, что из превентивных соображений или ввиду реальной военной угрозы княжество Феодоро стремилось обезопасить себя, укрепляя свои южные рубежи, перегораживая доступные для прохода и проезда перевальные седловины и выставляя на них дозоры. В некоторых пунктах на яйле имелись даже замкнутые укрепления. Под контролем, например, небольшой крепости Исар-Кая находился даже труднодоступный горный проход Шайтан-Мердвен. Есть основание считать, что это укрепление было разрушено именно генуэзцами³⁴.

Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский не смогли убедительно обосновать свою точку зрения ни анализом текста Прокопия, ни археологическими аргументами, содержание которых, как видим, должно быть истолковано совершенно иначе.

³¹ Соломоник Э. И., Домбровский О. И. Указ. соч., рис. 1—4.

³² Яковсон А. Л. Указ. рец., с. 300.

³³ Яковсон А. Л. Средневековый Крым; *он же*. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. — МИА, № 168, 1970.

³⁴ Фирсов Л. В. Чертова лестница. Симферополь, 1973, с. 58—59; *он же*. Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г. — В кн.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 94 и сл.